

ВЕСТНИК

Центра
корейского
языка и культуры

ВЫПУСК 2

1997

State Street
CKLC
CENTER for KOREAN
LANGUAGE and CULTURE

St. Petersburg State University
Oriental Department
Center for Korean Language and Culture

PROCEEDINGS OF THE CENTER FOR KOREAN LANGUAGE AND CULTURE

Issue 2

Edited by
Anatoly G. Vasilyev

St. Petersburg Centre for Oriental Studies
St. Petersburg
1997

Санкт-Петербургский государственный университет
Восточный факультет
Центр корейского языка и культуры

ВЕСТНИК
ЦЕНТРА КОРЕЙСКОГО
ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ

Выпуск 2

Под редакцией
А. Г. Васильева

Центр «Петербургское Востоковедение»
Санкт-Петербург
1997

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Корейского Фонда (Korea Foundation, Seoul)

Под редакцией А. Г. Васильева

Вестник Центра корейского языка и культуры. Выпуск 2 /
Под ред. А. Г. Васильева. — СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1997. — 256 с.

Второй выпуск Вестника продолжает публикацию работ, подготовленных в рамках Центра корейского языка и культуры Восточного факультета Санкт-Петербургского Государственного университета. По сравнению с первым выпуском тематика сборника значительно расширилась: среди публикуемых материалов присутствуют статьи по лингвистике, литературоведению, истории и этнографии традиционной и современной Кореи. Наряду с известными учеными в сборнике принимают участие молодые специалисты, студенты.

Набор — *Т. В. Чудинова*. Технический редактор — *Г. В. Тихомирова*
Редактор и корректор *Т. Г. Бугакова*. Выпускающий — *Д. А. Ильин*

Макет подготовлен в Центре «Петербургское Востоковедение»
Издательство **Центр «Петербургское Востоковедение»**
191186, Россия, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18

ЛР № 061800 от 16.11.92

Подписано в печать 1.09.1997. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага офсетная
Гарнитура основного текста «Таймс». Печать офсетная. Объем 16 п. л.
Санкт-Петербургская типография № 1 РАН
199034, Санкт-Петербург, 9-я линия, 12. Заказ № 370

ISBN 5-85803-104-8

© Центр корейского языка
и культуры, СПбГУ, 1997

СОДЕРЖАНИЕ CONTENTS

- А. Г. Васильев, Г. Е. Рачков.** Из истории преподавания и изучения корейского языка в Санкт-Петербургском университете. К столетию начала преподавания корейского языка в Санкт-Петербургском университете и пятидесятилетию основания отделений корейской филологии и истории Кореи в Ленинградском университете 7
- Anatoly G. Vasilyev, Gennady E. Rachkov.** On the history of Korean linguistics at St. Petersburg State University. Centennial of teaching the Korean language at St. Petersburg University and the fiftieth anniversary of founding the Departments of Korean Philology and Korean History at Leningrad University 7

Лингвистика Linguistics

- В. Д. Аткинн.** Корейский vs тунгусский I: тунгусология в Корее (Victor D. Atknine. Korean vs. Tungus I: Tungusic studies in Korea) 19
- А. А. Васильев.** Семантика корейских операторов возможности *су итта* и *су оптта* в контексте предложений с модальностью *de re* (Alexei A. Vasilyev. Semantics of Korean modal operators *su itta* and *su opta* in the context of *de re* modality phrases) 29

Корейская литература. Литературоведение Korean Literature

- Повесть о девице Ок. Предисловие, перевод и комментарии Г. Е. Рачкова (The Story of Ms. Ok. Preface, translation and commentary by Gennady E. Rachkov) 44
- Д. Д. Елисейев.** Заметки о Ким Пусике (Dmitry D. Eliseyev. Notes on Kim Pu-sik) 68
- Л. В. Галкина.** Формирование романтического направления в корейской литературе (Lyudmila v. Galkina. Romanticism in Korean literature) 81
- Л. В. Жданова.** Цвет в стихотворении Ли Кюбо «Воспеваю хризантемы» (Larissa V. Zhdanova. Colour in Yi Kyu-bo's poem "Adoring chrysanthemums") 91

История, культура, этнография History, Culture, Ethnography

<p>Е. И. Кычанов. Корея в системе международных отношений в восточной Азии (VI—XII вв.) (Eugeny I. Kuchanov. Korea in the system of international relations in Eastern Asia in 6-12th cc.) . . .</p> <p>А. Ф. Троцевич. Описание корейских письменных памятников, хранящихся в библиотеке восточного факультета С.-Петербургского университета (Adelaide F. Trotsevich. Korean manuscripts and books at the Library of the Oriental Faculty, St. Petersburg University)</p> <p>М. И. Никитина. Пэкческий единорог в связи с мифом о матери-тигре и ее сыне-олене (Marianna I. Nikitina. Unicorn in Paekche and The Myth of Mother-Tiger and her Son-Deer) . . .</p> <p>С. О. Курбанов. Типы, порядок совершения и сущность церемоний жертвоприношений духам предков в Корее (Serguei O. Kourbanov. Types, order and meaning of sacrificial services to ancestors in Korea)</p> <p>М. Д. Широкова. Категории и типы корейских шаманов (Maria D. Shirokova. Categories and types of Korean shamans) . . .</p> <p>Е. Ю. Кнорозова. К вопросу о сходстве культур Кореи и Вьетнама (на материале преданий) (Ekaterina Yu. Knorozova. On resemblance of Korean and Vietnamese cultures (in the evidence of legends)</p> <p>Лим Су. Животный и растительный мир в корейских пословичных изречениях (Материалы к словарю символов) (Lim Su. Flora and fauna in Korean sayings)</p> <p>Б. Б. Пак. Корейская миссия Мин Ёнхвана в Россию летом 1896 г. (Bella P. Park. Min Young-hwan's mission to Russia in the summer of 1896)</p> <p>А. Н. Ланков. Современные корейские средние слои: вопрос о трудоустройстве женщин (Andrei N. Lankov. Middle class in contemporary Korea: the problem of women's employment)</p> <p>Н. А. Самойлов. Выстрелы Ан Чун Гына в Харбине: взгляд из России (Nikolai A. Samoilov. An Chung-geun's shots in Harbin as seen from Russia)</p> <p>Ю. В. Болтач. Из истории корейского буддизма (Yulia V. Boltatch. On the history of Korean Buddhism)</p>	<p>107</p> <p>117</p> <p>136</p> <p>160</p> <p>174</p> <p>184</p> <p>199</p> <p>213</p> <p>225</p> <p>236</p> <p>244</p>
---	--

Ю. В. Болтач

ИЗ ИСТОРИИ КОРЕЙСКОГО БУДДИЗМА

История буддизма в Корее насчитывает более полутора тысячелетий. За это время он превратился в органическую часть корейской культуры, наложив заметный отпечаток на многие ее сферы. Это делает его изучение совершенно необходимым для понимания истории, философии, литературы и искусства Кореи.

К сожалению, в отечественном корееведении до сих пор ощущается значительный недостаток работ по корейскому буддизму. Достаточно полно изучен лишь первый этап его истории, которому посвящена монография С. В. Волкова «Ранняя история буддизма в Корее». Краткие сведения по истории корейского буддизма приведены также в коллективной монографии «История Кореи» и ряде других трудов (см., напр., [1]; [9]). Эти работы объединяет то, что буддизм трактуется в них исключительно как один из факторов социально-политической жизни средневековой Кореи. Другим аспектом, в котором корейский буддизм рассматривался в отечественной востоковедной литературе, было его взаимодействие с местной традицией. Эти проблемы были подробно исследованы М. И. Никитиной и А. Ф. Троцевич в ряде работ (см., напр., [7], [8], [10]). Тем не менее многие связанные с буддизмом вопросы в отечественном корееведении остаются пока неизученными. Данный пробел в известной степени восполняется работами зарубежных авторов (см., напр., [14], [15]), где рассматриваются по преимуществу проблемы влияния, оказанного буддизмом на корейскую культуру. Общих же работ по истории корейского буддизма, к сожалению, пока практически не существует, хотя потребность в них велика. Одной из многих англоязычных работ, дающих достаточно полный очерк истории корейского буддизма, является коллективная монография «The History and Culture of Buddhism in Korea», написанная группой преподавателей сеульского университета Тонгук. В отечественной востоковедной литературе, однако, работы подобного плана до сих пор отсутствуют. Данная статья представляет собой попытку хотя бы частично заполнить этот пробел.

* * *

Время зарождения буддизма в Индии (сер. I тыс. до н. э.) было эпохой глубокого кризиса традиционной ведийско-брахманской идеологии и возникновения целого ряда «неортодоксальных» рели-

гиозно-философских концепций. Будучи первоначально всего лишь одним из этих течений, буддизм вскоре сумел занять среди них особое место. Его расцвет в Индии приходится на время правления Ашоки (ок. 272—ок. 236 до н. э.), при котором это учение начало распространяться за пределами Индии. В I—II вв. н. э. началось оформление двух главных ветвей буддизма: сравнительно консервативной хинаяны, или «малой колесницы» (в современной буддологической литературе, однако, чаще именуемой тхеравадой или южным буддизмом), учение которой распространилось преимущественно на Цейлоне и в странах Юго-Восточной Азии, и более динамичной махаяны, или «великой колесницы», закрепившейся в Китае, Корее, Японии и других дальневосточных странах.

Возникновение этих двух направлений хронологически совпало с проникновением буддизма в Китай. Традиционной датой его принятия считается эпоха императора Мин-ди (58—75). В действительности процесс распространения буддизма в Китае растянулся на несколько столетий, сопровождаясь интенсивной работой по переводу буддийского канона на китайский язык. По мере знакомства китайцев с буддийской литературой (IV—V вв.) началось формирование собственно китайских буддийских школ. Именно в этот период буддизм проник из Китая в Корею.

Первые века новой эры были временем становления раннефеодальных корейских государств Когурё, Силла и Пэкче. Общей отличительной их чертой была достаточно сильная центральная власть, базировавшаяся на государственной собственности на землю. В результате буддизм в Корее, как и почти везде на Дальнем Востоке, после своего проникновения в страну быстро оказался подчиненным государству.

Религиозная ситуация на Корейском полуострове к моменту появления там буддизма остается пока малоизученной. Реконструкция мировоззрения древних корейцев по данным поэзии той эпохи (*хян-га*) проведена М. И. Никипиной (см. [7]). Согласно ее выводам, «система ритуальных категорий, которые являются одновременно и поэтическими категориями, отражает особую совокупность представлений о мире, сложившуюся на мифопоэтической основе, обозначенную... как „система облика“. Определяющими ее характер исходными моментами были воззрения на социально значимое лицо как на воплощение целостности и благополучия коллектива, а также как на воплощение сил космоса» [7, с. 12]. В этой же работе содержится реконструкция двух древнекорейских солярных мифов (о Женщине-Солнце и о Стрелке-Солнце и двух хозяевах стихий), на которых была основана «система представлений о мире, выполнявшая роль своего рода государственной системы мировоззрения в конце Силла и Объединенном Силла» [7, с. 13].

Верования древних корейцев представляли собой, скорее всего, переплетение «таких древних форм религии, как тотемизм, анимизм, фетишизм, шаманизм, культ природы, демонизм, культ предков» [2, с. 34]. Заметное место среди них занимал культ Неба [11, с. 37], сильно китаизированный, но тем не менее имевший местные корни. Бытовало также поклонение горам и пещерам.

Особое место в системе верований древних корейцев занимал культ предков, который на государственном уровне имел форму культа Основателей, т. е. мифических первопредков царствующего рода и предполагаемых создателей государства. В Когурё таким «Основателем» считался Чумон, в Силла — Пак Хёккосе, Сок Тхархэ и Ким Альчжи, в Пэкче — Пирю и Ончжо (по другой версии — Кутхэ) [2, с. 36—37].

Рассматривая взаимоотношения буддизма и местных верований, современные корейские исследователи выделяют следующие пункты расхождений между этими двумя системами мировоззрения:

1. В то время [древние корейцы] полагали, что природа повелевает человеку; согласно буддийской точке зрения, человек и природа сосуществуют.

2. В старину люди думали, что душа покидает тело [навсегда]; буддисты развивали взгляд, что живые существа пребывают в круговороте смертей и рождений в трех стадиях существования (прошлое, настоящее и будущее) в соответствии с кармой.

3. Корейцы считали, что добро и зло зависят от воли Неба, в то время как буддизм утверждал, что они являются следствием поступков самого человека.

[11, с. 37]

Из пришедших извне учений наибольшим влиянием пользовалось конфуцианство. Причинами его распространения в Корее были настоятельная потребность правящей элиты в пригодной для формирующегося централизованного государства официальной идеологии и близость этого учения к некоторым местным культам (в т. ч. культам Неба и предков). Конфуцианство выполняло роль общегосударственной надрелигиозной идеологии, «общей и обязательной для всех членов общества» [2, с. 40].

В противоположность конфуцианству, даосизм проник на Корейский полуостров сравнительно поздно, когда позиции конфуцианства и буддизма были достаточно сильны, и поэтому не получил широкого распространения. Впоследствии некоторые даосские элементы вошли в состав шаманизма [14, с. 23].

Проникновение буддизма в Корею началось с самого северного из трех корейских государств, т. е. с Когурё, куда в 372 г. с посольством Ранней Цинь прибыл монах Сундо, доставивший сутры и изображение Будды. В 375 г. были воздвигнуты два первых буддийских храма. Ким Бусик интерпретирует это событие как начало распространения Учения Будды в Хэдоне [4, т. 2, с. 80]. В 392 г. ван призвал подданных «почитать Учение Будды и молиться о счастье» [4, т. 2, с. 81].

Через двенадцать лет после Когурё буддизм был принят в Пэкче. Под 384 г. Ким Бусик приводит следующее сообщение: «В девятом месяце из [государства] Цзинь прибыл чужеземный (индийский) священник (хосын) Марананда. Ван встретил его и оказал почетный прием во дворце. С этого времени начали [проповедовать] Учение Будды» [4, т. 2, с. 163].

В третьем корейском государстве, Силла, буддизм был официально признан только в 528 г., что можно объяснить сравнительно медленными темпами развития этого государства, а также географической удаленностью его от Китая. Тем не менее не исключено, что буддизм был известен в Силла до 528 г., почему его распространение и происходило не «сверху», как в Когурё и Пэкче, а «снизу». Подтверждением этого служит ряд сообщений «Самгук саги» о попытках проповеди буддизма среди населения Силла, предпринятых монахами Мохочжа и Адо [2, с. 50—51].

Рассматривая ход распространения буддизма в Корее в первые века после его принятия, С. В. Волков в монографии «Ранняя история буддизма в Корее» выделяет четыре больших этапа данного процесса:

- 1) конец IV—начало VI в.;
- 2) начало VI—начало VIII в.;
- 3) начало VIII—начало IX в.;
- 4) начало IX—начало X в.

Характеризуя их, он пишет, что «первый этап — этап медленного распространения буддизма; второй характеризуется непрерывным и быстрым его усилением, в результате чего был достигнут довольно высокий уровень популярности буддизма в стране. Третий этап ознаменован спадом активности буддизма, а четвертый — новым ее подъемом» [2, с. 56]. Эти спады и подъемы были обусловлены колебаниями государственной политики по отношению к буддизму в ходе формирования системы государственного контроля над деятельностью буддийской общины.

В 667 г. Корея была объединена под властью Силла. Период Объединенного Силла (667—937) в литературе часто характеризуется как «золотой век буддизма» [6, с. 151]. В это время сформировались основные буддийские школы, наиболее значительной из которых была Хваом (кит. *Хуаянь*), основателем которой в Корее считается крупный буддийский проповедник Ёйсан (625—702). В 661 г. он отправился в Китай, где учился у Чжияня, второго патриарха Хуаянь. Вернувшись в 670 г. на родину, он начал проповедь учения этой школы. В 676 г. Ёйсан основал монастырь Пусокса, ставший впоследствии главным центром Хваом.

Современником Ёйсана был Вонхё (617—686), один из крупнейших буддийских мыслителей Кореи. В настоящее время известны 73 его работы, многие из которых еще при его жизни получили широкую известность как среди буддистов Силла, так и в других странах, в т. ч. и в Китае. Принадлежа к школе Хваом и оценивая учение, изложенное в Аватамсака-сутре как превосходящее все прочее, Вонхё не отвергал и других махаянистских концепций. Так, он придавал большое значение учению о татхагатагарбхе как источнике всех вещей, признавая его «наиболее пригодным для людей его эпохи» [19, с. 88]. Будучи выдающимся теоретиком, Вонхё не отказывался и от практической деятельности, заключающейся в проповеди буддийского учения среди простого народа. Теорию и практику он считал «подобными двум колесам одной повозки, которые должны находиться в согласии друг с другом» [19, с. 85].

К эпохе Объединенного Силла относится и формирование таких школ, как Нальбан (кит. *Непань*; санскр. *Нирвана*), Попсан (кит. *Фасян*; санскр. *Дхармалакшана*), Юльчон (кит. *Люйцзун*; санскр. *Винайя*) и других, а также школы Чистой Земли. Кроме того, в VII в. в Корею проник чань-буддизм (кор. *Сон*), первоначально встретивший достаточно холодный прием со стороны представителей «традиционных» школ и двора [2, с. 85]. В IX—X вв. оформились девять школ сон-буддизма («девять гор»), после чего он начал медленно, но неуклонно усиливать свои позиции.

Отдельно следует остановиться на вопросе взаимодействия буддизма и местной культуры в период Трех государств и Объединенного Силла, который, несомненно, заслуживает специального изучения и в силу своего объема может быть освещен здесь лишь в самых общих чертах.

Как нам представляется, в древней Корее буддизм выполнял две основные функции: проводника континентальной культуры и хранителя местной традиции. Первая функция, в частности, выражалась в том, что буддизм способствовал знакомству всех слоев корейского общества с китайской литературой и, шире, с китайской культурой через корееязычные буддийские тексты (см., напр., [8, с. 10; 81]). Появление буддийских литературных произведений на родном языке способствовало проникновению буддийских идей в корейскую литературу. О глубине и продолжительности буддийского влияния на нее говорит то, что даже в XVII в., в эпоху почти безраздельного господства неконфуцианской идеологии, в Корее создавались такие произведения, как роман Ким Манчжуна «Облачный сон девяти», буддийский подтекст которого был детально исследован А. Ф. Троцевич (см. [10]).

Не менее существенным было воздействие буддизма и пришедшей с ним континентальной культуры на корейское искусство. В рассматриваемую эпоху оно «было тесно связано с идеологией буддизма и культовыми сооружениями, которые определяли комплексное развитие архитектуры, скульптуры, живописи и художественных ремесел» [3, т. 1, с. 101]. Среди последних было наиболее развито искусство отливки колоколов, отличавшихся большими размерами и совершенством отделки. Особенно значительным было влияние, оказанное буддизмом на развитие скульптуры, которая в добуддийский период была представлена главным образом простыми статуэтками из обожженной глины и дерева. После принятия буддизма корейские мастера быстро освоили технику изготовления бронзовых и каменных статуй. Примером, подтверждающим высокий уровень, достигнутый корейской буддийской скульптурой, может служить пещерный храм Сокурам (VIII в.), статуи и рельефы которого считаются одним из шедевров дальневосточного искусства.

Следует отметить также вклад, который внесли в корейскую культуру буддийские монахи, посещавшие Китай и другие страны (в т. ч. Индию, Иран и даже Сирию) в качестве послов или паломников, способствуя тем самым развитию связей Кореи с другими странами. Цели этих поездок зачастую не сводились к религиозным или политическим задачам. К примеру, в 692 г. монах Точжин привез из Ки-

тая астрономическую карту и преподнес ее вану [2, с. 115]. Наряду с конфуцианскими чиновниками, буддийские монахи были единственной категорией населения, знакомой с достижениями китайской науки. Так, когурёский монах Тотыну в 646 г. руководил постройкой большого моста через р. Чхичхон [2, с. 115]. Рассматривая синтез буддизма и местной культуры, следует также остановиться на *хварандо* — общественном институте, генетически восходящем к полвозрастным объединениям молодежи, существовавшим у древних корейцев. Ким Бусик характеризует его так: «После этого [государство] снова стало отбирать мальчиков с красивой внешностью, наряжать и содержать их под названием хваран („цветущие юноши“). Во множестве собиралась молодежь, чтобы толковать о смысле веры, развлекаться пением и музыкой или совершать увеселительные прогулки по горам и рекам, и не было [поэтому] отдаленных мест, где бы они не побывали. Таким образом узнавали и пороки и достоинства этих людей, чтобы лучших из них отобрать и представить государству» [4, т. 1, с. 135]. Как мы видим, целью создания хварандо, по Ким Бусику, была подготовка кадров для нужд феодального государства. Но роль хваранов в обществе отнюдь не исчерпывалась этой задачей. Хвараны были причастны к выполнению жреческих функций, ведали «танцами и песнями в государстве», были творцами и хранителями национальной поэтической традиции [7, с. 11].

Буддийское влияние на хварандо заметно уже в заповедях хваранов (составленных в VII в. буддийским монахом Вонгваном), пятая из которых предписывает «убивая, знать меру», т. е. запрещает бесмысленное убийство живых существ. Функциональная близость монахов и хваранов-жрецов в рамках ритуала привела к возможности совмещения в одном лице функций буддийского священнослужителя и хварана. Из «Самгук юса» нам известно много случаев практики подобного рода. Так, например, монах Чхундам (VIII в.) был избран ваном на роль жреца в исконно корейском ритуале, имевшем целью магическое воздействие на социум [7, с. 16—20]. Допускалось также отождествление хваранов с персонажами буддийского пантеона. Известно, что глава хваранов (*куксон*) почитался как Майтрея. Вследствие своего проникновения в идеологию хварандо буддийское влияние затронуло и корейскую поэтическую традицию, тесно связанную с хваранами. Эпоха Трех государств и Объединенного Силла была временем сближения буддизма и местной системы мировоззрения, благодаря чему впоследствии стало возможным включение в состав буддийских произведений многих памятников древней корейской литературы, сохранившихся благодаря этому до наших дней.

К концу VIII в. государство Силла вступило в эпоху длительного политического и экономического кризиса. В 937 г. последний силлаский ван добровольно подчинился Ван Гонгу, основателю государства Корё (937—1392). Новая династия продолжила политику покровительства буддизму. В эпоху Корё он был в полном смысле слова государственной идеологией Кореи, тесня конфуцианство даже в таких, казалось бы, сугубо «конфуцианских» сферах, как отправление ритуалов, направленных на поддержание космического порядка. Пред-

полагалось, что если «народ страдает от вторжений, болезней, засух или наводнений», то вану следует читать сутры, поощрять совершенные приношения и возносить молитвы буддам, бодхисаттвам и священным изображениям. Посредством совершения буддийских ритуалов ван стремился добиться того, чтобы «будды и бодхисаттвы всегда покровительствовали стране, правителю и народу» [19, с. 120]. Защита государства стала со временем рассматриваться корейцами как одна из фундаментальных функций буддизма. Свое практическое воплощение концепция «хогук пульгё» («буддизма, охраняющего государство») нашла в том, что ван оказывал покровительство и поддержку буддизму, который, в свою очередь, должен был обеспечить благополучие и процветание страны.

Функциональное сближение сангхи и государственного аппарата привело к тому, что между ними возникло определенное организационное сходство. Это выразилось, в частности, во введении в 958 г. системы экзаменов для монахов, которая была создана одновременно с учреждением экзаменов на чин. Структурно эти две системы практически повторяли друг друга и служили одной и той же цели: отбору талантливых людей на государственную службу.

Монашеские экзамены (*сынхва*) были многоступенчатыми. Монахи чаньских (*сон*) и доктринальных (*кё*) школ сдавали их раздельно. После предварительных испытаний в своих храмах монахи допускались к государственному экзамену. Успешно сдавшим его присваивался титул *тэсон*, получение которого открывало путь к более высоким званиям (*тэдок*, *тэса*, *чундэса* и *самчжундэса*). Два следующих за ними ранга в Сон-чжон носили название *сонса* и *эсонса*, а в Кё-чжон — *сучжва* и *сунтхон*. Иерархию венчали *ванса* и *кукса* (букв.: «наставник вана» и «наставник страны»). Каждый из этих двух высших титулов присваивался не более чем одному человеку одновременно [19, с. 130—135].

Эпоха Корё была временем расцвета направления Сон-чжон, стремительный рост влияния которого начался в XII—XIII вв., когда внутренний кризис и агрессия соседних государств (в т. ч. монгольские нашествия 1231—1259 гг.) привлекли внимание военных правителей из рода Чхве к медитативной практике монахов этой школы, которая начала рассматриваться как чудесное средство защиты государства.

Возникновение собственно корейских форм Сон связано с именем Почжо Чинуля (1158—1210), основателя школы Почжо-сон, совмещившей в своем доктринальном комплексе основные положения Сон и Кё. Почжо-сон сохранял лидерство среди других направлений Сон-чжон до конца периода Корё.

Рост влияния Сон отнюдь не означал упадка других буддийских школ, в том числе и Хаом, одним из выдающихся представителей которой в эпоху Корё был Кюнё (923—973). В начале своей деятельности он приложил значительные усилия к тому, чтобы объединить враждующие фракции своей школы и возродить ее былое влияние. Его интерпретация учения Хаом была признана большинством приверженцев школы и впоследствии легла в основу требований для монашеских экзаменов [16, с. 35]. Стремясь популяризировать

идеи Аватамсака-сутры, Кюнё изложил их в одиннадцати стихотворениях на корейском языке (*хянга*), которые вскоре стали широко известны не только среди корейцев, но и (в переводе Чхве Хэнгви) в Китае, принеся автору славу «живого будды».

К эпохе Корё относится также окончательное оформление школы Чхонтхэ (кит. *Тяньтай*), которая появилась в Корее в VI в. Крупный деятель Чхонтхэ Тхэгак Ыйчхон (начавший свою карьеру как монах школы Хваом) стремился, подобно Почжо Чинулю, примирить направления Сон и Кё, но если Чинуль хотел инкорпорировать Кё в Сон, то Ыйчхон, напротив, представлял Сон частью Кё.

Большое значение имела также школа Попсан, распавшаяся в X в. на две ветви: Юга-оп (основанную на практике Йогачары) и Чаын-чон (занимавшуюся преимущественно теоретическими изысканиями). Среди других влиятельных школ следует отметить школу Юль-оп (сменившую впоследствии название на Намсан-чжон).

Кроме этих четырех школ, в Корее был известен и тантрический буддизм, представленный школами Синин-чжон и Чинём-оп (Чхон-чжи-чжон), которые играли активную роль в исполнении обрядов, призванных обеспечивать безопасность и процветание государства.

Крупнейшим достижением буддийской культуры эпохи Корё было издание Трипитаки (кор. *Тэчжангён*), остающейся и поныне ценнейшим источником по дальневосточному буддизму, поскольку, по мнению современных исследователей, ее текст отличается исключительной полнотой и (что немаловажно) высоким качеством печати. Первое издание Трипитаки было предпринято в XI в., когда войска киданьской империи Ляо вторглись на корейские земли. Как указывают современные корейские исследователи, оно было осуществлено с целью «подвигнуть народ на преодоление этого национального бедствия» [19, с. 152]. Первая Трипитака погибла в 1231 г. во время монгольского нашествия. Инициатором и организатором второго издания, осуществленного в 1237—1251 гг., выступил Тхэгак Ыйчхон, видный деятель школы Хваом. Доски, вырезанные в XIII в., хранятся ныне в храме Хэинса.

Помимо непосредственного вклада, сделанного изданием Трипитаки в развитие корейской филологии, каллиграфии и искусства книгопечатания, работа над ее созданием способствовала консолидации корейского народа перед лицом иноземных агрессоров.

Другим выдающимся памятником корейской культуры является «Самгук юса» («Забывшие деяния Трех государств»), труд монаха Сончжон Ким Ирёна, составленный в 1285 г. «Самгук юса» представляет собой ценнейший источник по истории и культуре Кореи до XIII в. Именно Ким Ирёну мы обязаны сохранением множества древнекорейских сказаний, легенд, поэтических произведений, которые не вошли в официальную историю конфуцианца Ким Бусика. Среди памятников древней корейской литературы, включенных в «Самгук юса», особое место принадлежит хянга, зафиксировавшим систему представлений о мире, существовавшую в эпоху Силла. Сейчас исследователи располагают текстами 25 хянга, 14 из которых содержатся в «Самгук юса», а остальные (чисто буддийского содержания) — в жизнеописании Кюнё, монаха Хваом, составленном в 1075 г. (англ. пер. см.: [16]).

Из вышесказанного достаточно очевидно, что в эпоху Корё «буддизм, наложившийся на местные верования и вобравший в себя многое от даосизма, был центром притяжения в корейской литературе всего связанного с местной, национальной традицией» [8, с. 5].

Глубокий кризис, вызванный монгольским владычеством и противоречиями, существовавшими внутри корейского феодального общества, привел к падению Корё. Власть перешла к полководцу Ли Сонге, который в 1392 г. провозгласил себя ваном. Государство было переименовано в Чосон. Отношение новой династии к буддизму было резко отрицательным. Причины этого, возможно, заключались в том, что буддизм (воспринимавшийся при Корё как магический защитник государства) оказался неспособным спасти страну от монгольских захватчиков, это и привело к падению его авторитета среди народа. Более того, буддистов обвиняли в поддержке промонгольской придворной группировки [6, с. 152]. Сильное недовольство, особенно в среде неоконфуциански настроенного чиновничества, вызывало также экономическое и политическое могущество буддийских монастырей.

В этой обстановке одним из первых шагов нового правительства было сокращение числа храмов и конфискация земель закрытых монастырей. С этой целью проводились слияния буддийских объединений, в ходе которых 11 школ были объединены сначала в 7, а затем (1424) — в 2 (Сон и Кё). Монахи были отнесены к низшей категории населения, наряду с рабами, актерами, кисэн и представителями прочих презираемых профессий. Были закрыты все сеульские храмы; буддийским священнослужителям был запрещен вход в столицу. На монастыри был возложен ряд натуральных повинностей, в частности, они были обязаны «поставлять бумагу, масло, каштановое дерево (используемое для изготовления табличек предков для конфуцианских церемоний), а также соломенную обувь для чиновников и аристократии» [19, с. 172]. Упадок буддизма начался особенно быстро после того, как ван Чунчжон (ок. 1506—1544) отменил систему государственных экзаменов для монахов.

Результаты этой политики были таковы:

- 1) после конфискации имущества храмов ускорилось падение экономического значения монастырей;
- 2) сократилось число вступающих в монашество; проводилось насильственное возвращение монахов в мир;
- 3) буддизм был изолирован от общества (к примеру, были запрещены буддийские погребальные обряды);
- 4) были выработаны философские доводы против буддизма, базирувавшиеся на сунском неоконфуцианстве [19, с. 175—176].

Правительственный курс по отношению к буддизму, однако, далеко не всегда отличался последовательностью, допуская (особенно в начале эпохи Ли) некоторые колебания в сторону смягчения антибуддийских санкций. Бывали даже случаи, когда правительство принимало меры по поощрению буддизма, как, например, при ване Сежжоне (ок. 1418—1450), в эпоху правления которого произошло одно из величайших событий культурной жизни Кореи, а именно — создание корейского алфавита (1443). Не исключено, что одной из

причин официального введения корейской письменности Сечжоном было его стремление сделать буддийское учение более доступным для народа путем перевода буддийских книг на корейский язык. Это подтверждается, в частности, тем, что среди первых корейских книг мы находим «Сокпосанчжоль» («Эпизоды из жизни Будды»).

Один из преемников Сечжона, ван Сечжо, учредил Палату по изданию буддийских священных книг, задачей которой, в частности, был перевод буддийской литературы на корейский язык. Кроме того, было отпечатано 50 экземпляров Трипитаки [6, с. 77].

Эти колебания правительственной политики, однако, затрагивали главным образом статус буддизма как идеологии, в то время как экономические и политические санкции против него оставались в силе на протяжении всей эпохи Чосон.

В XIX в. Корея вступила в эпоху общего кризиса феодализма, приведшего к «открытию» страны иностранцами, а также проведению реформ, разрушивших традиционную структуру корейского общества и подготовивших почву для аннексии страны японцами в 1910 г. Составной частью этих реформ, в большинстве своем проведенных под японским давлением, было изменение политики правительства по отношению к буддизму, непосредственной причиной чего послужило стремление японского правительства «психологически подчинить корейцев» путем распространения в Корее учений японских буддийских школ и включения в состав последних местных направлений буддизма. Особенную активность в проповеди своего учения среди корейцев проявляли нитирэнисты (приверженцы школы, созданной в XIII в. монахом школы Тэндай Нитирэном, который придавал особое значение культуре Лotosовой сутры), амидаисты (адепты школы Чистой Земли в ее японском варианте), а также последователи школы Сингон. Чтобы закрепиться в Корее, представители этих школ стремились заручиться поддержкой корейских буддистов. С этой целью в 1895 г. японский нитирэнист Сано Дзэнрэй добился разрешения на вход в столицу для корейских монахов, что стало первым шагом по отмене ограничений в отношении корейского буддизма. В 1899 г. был разработан план создания ассоциации корейских буддийских храмов во главе с храмом Вонхынса. Через четыре года после этого правительство назначило особых чиновников для руководства храмовыми делами, а также издало специальные правила, регламентирующие деятельность монастырей. Эта система просуществовала всего два года. С 1905 г. (т. е. с подписания договора о протекторате) японский генеральный резидент получил право контроля над деятельностью корейских буддистов. После аннексии Кореи (1910) и до 1945 г. все важные вопросы, связанные с корейской буддийской общиной, решались японским генерал-губернаторством.

Структура корейской сангхи в этот период отражала не столько доктринальные, сколько политические взгляды отдельных группировок. Первая из них, Общество по изучению буддизма, была создана в 1904 г. Это объединение ориентировалось на японскую школу Дзёдо (Чистой Земли), с которой оно было связано через японского миссионера Иноуэ Гэнсина.

В 1908 г. была предпринята новая попытка организационного и доктринального сближения японского и корейского буддизма по-

средством организации объединения Вон-чжон, учение которого должно было соединить основные положения Кё-чжон и Сон-чжон, благодаря чему, по мысли его создателей, оно должно было приобрести право представлять весь корейский буддизм. В 1910 г. его патриарх Хвэгван отправился в Японию и подписал соглашение об объединении Вон-чжон и японской дзэнской школы Сото.

В 1911 г. монахи, не одобрявшие прояпонской деятельности Хвэгвана, основали объединение Имчже, доктринальной основой которого послужили идеи школы Линь-цзи, весьма популярной в Корее. В 1912 г. Вон-чжон и Имчже-чжон в административном порядке были объединены в организацию под названием «Чосон сонгё янчжон». В 1914 г. монахи тридцати ведущих корейских храмов начали «движение за реформы», результатом которого было создание ассоциации Тридцати гор. Через шесть лет после этого (1920) от нее откололась группа молодых монахов, требовавших разделения религии и политики. В 1925 г. обе фракции объединения Тридцати гор были воссоединены в составе Центрального бюро по делам корейского буддизма. В 1941 г. была создана ассоциация Чогёе-чжон, окончательно объединившая Сон-чжон и Кё-чжон. Как и ее предшественники, она находилась под контролем японских властей, деятельность которых, в соответствии с общими задачами японской колониальной политики, была направлена на окончательную ликвидацию самостоятельности корейской буддийской общины, возможно более полное ограничение ее активности и, в конечном счете, на совершенное слияние корейского буддизма с японским. Следует заметить, однако, что меры, предпринимавшиеся японцами для достижения этих целей, зачастую приводили к прямо противоположным результатам. Так, экспансия японских буддийских школ «явилась стимулом к возрождению у корейцев интереса к их исконному буддизму» [6, с. 152]. Борьба за сохранение чистоты буддийского учения в его традиционной форме была неразрывно связана с национально-освободительным движением, среди лидеров которого были многие выдающиеся буддийские деятели.

После освобождения Кореи в 1945 г. для буддистов Юга начался долгий и трудный период преодоления тяжелых последствий японской оккупации, закончившийся лишь к 1970 г., когда южнокорейские буддийские объединения организовали совместное «движение за возрождение былой славы», в ходе которого, в частности, была предпринята публикация ряда корейских буддийских текстов. В задачи этого движения входило также поощрение деятельности научно-исследовательских буддологических центров. К числу крупнейших из них принадлежит Институт буддийских исследований при университете Тонгук, ведущий большую работу по изучению философского и культурного наследия корейского буддизма. Активная деятельность этих буддологических центров является свидетельством растущего интереса южнокорейских ученых к истории и философии буддизма в Корее, что во многом объясняется тем вниманием, которое в последнее время уделяется корейскому буддизму зарубежными буддологами и востоковедами.

В заключение следует коснуться хотя бы некоторых характерных особенностей буддизма в Корее. Остановиться на них здесь тем бо-

лее необходимо, что вопрос специфики корейского буддизма практически не затрагивался в отечественной востоковедной литературе.

1. Корейскому буддизму на протяжении всей его истории было свойственно стремление к сближению учений различных буддийских школ, или, в терминологии корейских авторов, к «общей буддийской гармонизации» [19, с. 32]. Эта черта, в частности, была характерна для учения Хваом, откуда, возможно, она и была воспринята другими школами. Так, Вонхё, выдающийся мыслитель школы Хваом, известен как автор доктрины, непротиворечиво примиряющей основные направления буддизма Махаяны.

2. Буддизм в Корее, как и в других странах Дальнего Востока, был тесно связан с государством. Эта связь начала устанавливаться с момента проникновения буддизма в Корею, когда данное учение было воспринято корейцами прежде всего в качестве идеологии, стоящей над общинными культурами и вследствие этого пригодной для формирующегося централизованного государства. В ранний период истории буддизма в Корее были заложены, кроме того, основы концепции «хогук пульгё» («буддизма, охраняющего государство»), ставшей основой взаимоотношений между буддийской общиной и государством в эпоху Корё и сохранившей определенное влияние даже в период Чосон, когда идеологическое, политическое и экономическое влияние буддизма на общественную жизнь страны было фактически сведено к нулю. Так, практическим поглощением данной концепции можно считать тот факт, что в войнах против японских и маньчжурских захватчиков в 1592—1598, 1627 и 1636 гг. участвовали крупные отряды буддийских монахов.

3. Буддизм, в противоположность конфуцианству, стремился к сближению с местной традицией. Наиболее тесную связь с последней поддерживала школа Хваом. Не исключено, что причиной этого был характер учения данной школы, которое формировалось под сильным воздействием китайской философии и вследствие этого не было склонно замыкаться в рамках индобуддийской системы мировоззрения. Влияние, оказанное учением школы Хваом на автохтонную корейскую традицию, было тем более сильным, что деятели данной школы придавали особое значение распространению ее учения среди народа, что выразилось, в частности, в проповеднической деятельности Вонхё, одного из основателей школы Хваом в Корее.

4. Активные контакты с местной системой мировоззрения обусловили то, что корейский буддизм стал хранителем местной традиции, в противовес ориентированному на китайскую культуру конфуцианству. Эта функция буддизма отмечается, в частности, М. И. Никитиной и А. Ф. Троцевич [8, с. 5]. Значение буддизма для сохранения древней корейской литературы хорошо иллюстрируется тем фактом, что большинство произведений последней дошли до наших дней именно в составе буддийских памятников.

5. Тесная связь с местной традицией не препятствовала буддизму выступать также в качестве проводника континентальной культуры. Эта его функция проявилась, в частности, в сфере изобразительного искусства, которое на начальном этапе своего развития в Корее было неразрывно связано с буддизмом.

Эти черты корейского буддизма свидетельствуют о том, что буддизм в Корее был и остается одним из важнейших элементов национальной культуры, составляя неотъемлемую ее часть.

Литература

1. *Ванин Ю. В.* Феодалная Корея в XIII—XIV вв. М., 1962.
2. *Волков С. В.* Ранняя история буддизма в Корее. М., 1985.
3. *История Кореи.* М., 1974. Т. 1—2.
4. *Ким Бусик.* Самгук саги. Т. 1. М., 1959; Т. 2. М., 1995.
5. *Корейские предания и легенды.* М., 1980.
6. *Корея: Справочник.* Сеул, 1993.
7. *Никипина М. И.* Древняя корейская поэзия в связи с ритуалом и мифом. М., 1982.
8. *Никитина М. И., Троцевич А. Ф.* Очерки истории корейской литературы до XIV в. М., 1969.
9. *Пак М. Н.* Очерки ранней истории Кореи. М., 1979.
10. *Троцевич А. Ф.* Чань-буддизм и корейская художественная проза // Буддизм, государство и общество в странах Центральной и Восточной Азии в средние века. М., 1982.
11. *Хангук мунхва ва пульгё (Корейская культура и буддизм).* Сеул, 1995. Кор.
12. *Хунмин чоным / Исслед., пер. с ханмуна, примеч. и прил. Л. Р. Концевича.* М., 1979.
13. *Янгутов Л. Е.* Единство, тождество и гармония в философии китайского буддизма. Новосибирск, 1995.
14. *Covell J.* Korea's Cultural Roots. Seoul, 1992.
15. *Korean Identity.* Seoul, 1994.
16. *Куинюб-дон: The Life, Times and Songs of a Tenth Century Korean Monk / An annotated translation by A. Buzo and T. Prince.* Canberra, 1993.
17. *Lives of Eminent Korean Monks. The Haedong Kosung Chon.* Cambridge, 1969.
18. *Sourcebook of Korean Civilization / Ed. by Peter H. Lee.* N.-Y., 1993. Vol. 1.
19. *The History and Culture of Buddhism in Korea.* Seoul, 1993.

